

Andrejčin, Ljubomir

Синтаксические вопросы формирования современного болгарского литературного языка в XIX веке

In: *Otázky slovanské syntaxe : sborník brněnské syntaktické konference*, 17.-21.IV.1961. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962, pp. 109-114

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119393>

Access Date: 22. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIX. ВЕКЕ

Любомир Андрейчин (София)

Современный болгарский литературный язык получил свое основное оформление во второй и третьей четвертях XIX-го века. Этот процесс развивался на основе народной речи при известном воздействии более старой литературно-языковой традиции — домашней, церковно-славянской и русской.

Конечно, болгарский литературный язык сохранил все основные грамматические и, в частности, синтаксические особенности новоболгарского народного языка, как, например, аналитизм, конструкции с союзом *да* вместо старых инфинитивных конструкций, место энклитик в предложении и др.

В то же время современный болгарский литературный язык не разделяет некоторых других особенностей народного языка, как, например, отсутствие обособленных членов предложения и, в связи с этим, отсутствие обособленных причастных и деепричастных оборотов, отсутствие некоторых видов подчиненных предложений, ограничение позиции отрицания только при сказуемом в составе предложения и др.

Как объясняется тот факт, что литературный язык относится по-разному к различным особенностям синтаксиса народного языка?

*

С одной стороны, можно утверждать, что болгарский литературный язык сохранил те особенности народного языка, которые составляют основную специфику его структуры.

а) Так обстоит дело прежде всего с аналитизмом. Все попытки использования и внедрения старых (заимствованных из церковно-славянского языка) падежных форм в XIX-ом веке закончились полной неудачей. Даже в языке сторонников церковно-славянской языковой школы второй четверти XIX-го века (К. Фотинова, Хр. Павловича) падежных форм мало, и употребление их неустойчиво и непоследовательно.

Искусственно придуманное правило, наделяющее падежными функциями

две членные формы имен существительных мужского рода (-ѣт и -а) в зависимости от падежной функции существительных в предложении (градѣт — именительный падеж, града — винительный или, лучше, не-именительный падеж) поддерживается какой-то традицией в письменной практике уже несколько десятилетий, но в живой речи остается и до сих пор без применения.

б) Конструкции с союзом *да* на месте старых инфинитивных форм тоже вошли прочно в литературный язык с самого начала его формирования. Попытки употребления инфинитива не характерны даже для языка вышеупомянутой церковно-славянской школы. В литературном языке очень рано обнаружилась тенденция элиминирования тех оборотов народной речи, в которых сохранился сокращенный инфинитив. Выражения вроде „Ще може ли той възроди Турция“, встречающиеся в газете „Дума“ Хр. Ботева (1871 г.) уступают место выражениям вроде „Твърде лесно ще можеме да се убедиме“ в его позднейшей газете „Знаме“ (1874—1875).

в) Что касается места энклитических слов и форм в предложении, оно тоже сохранило свою основную специфику в синтаксисе литературной речи. Например, как в народной, так же и в литературной речи наблюдаются такие варианты, как „чѣл съм вчѣра“ и „вчѣра съм чѣл“, „чѣл съм го вчѣра“, „вчѣра съм го чѣл“, „не съм чѣл“, или „ще четà“, „ще ти четà“ и т. п. (см. об этом дальше).

*

С другой стороны, некоторые особенности синтаксиса литературного языка надо рассматривать как зависимые от степени культурной обработанности языка. В синтаксисе литературных языков всегда имеется большее богатство и разнообразие синтаксических форм и конструкций, существует возможность строить более сложные и усложненные предложения.

Во время многовекового турецкого рабства литературная жизнь болгарского народа замерла, язык остался функционировать почти только в устной бытовой речи. В связи с этим исчезли некоторые синтаксические конструкции, как, например, обособленные обороты (их функцию могли выполнять соответствующие виды подчиненных предложений).

Хотя здесь, может быть, сказывается и общий дух развития болгарского языка к аналитизму, этот процесс нельзя идентифицировать с основными закономерностями развития болгарской языковой структуры. Существует большая разница между аналитическим выражением отношения именных членов предложения и аналитическим выражением функции некоторых причастных конструкций (при помощи союзов плюс *verbum finitum*).

Итак, отсутствие в народной речи обособленных членов предложения и, в частности, обособленных определений и определительных оборотов не является какой-то специфической закономерностью народного языка. Кажется, оно является результатом обеднения синтаксиса в связи с замиранием литературной языковой традиции. Обособленные обороты казались только непривычными, а не структурно невозможными элементами речи.

Вот почему во время формирования современного болгарского литературного языка развились новые процессы обогащения его синтаксических возможностей, которые в некоторых случаях были даже связаны с обогащением его известными новыми морфологическими формами, с расширением употребления и семантики других, наличных, форм, и т. д.

Прежде всего, в этом отношении надо отметить появление обособленных членов предложения и оборотов по образцу других литературных языков — русского, а также и западных.

В языке Л. Каравелова сохранялось еще состояние народной речи. Переводя на болгарский язык свои повести, написанные и изданные раньше на русском языке („Страницы из книги страданий болгарского племени“). Повести и рассказы Любена Каравелова. Москва, 1868), Каравелов замещал все обособленные причастные обороты подчиненными предложениями. Например:

Русский текст

Передо мною стояла женщина лет со- рока, но еще *сохранившая* свою красоту и свежесть лица.

Я не могу постигнуть, как ты, жен- щина, *живущая* в монастыре, в глуши, могла изучить так много.

И завидовала я птичкам, которые пели на кустах и кричали, *прыгая* по скалам.

Болгарский перевод

Пред мене стоеше една жена не по-стара от 40 години, но *която беше съзранияла* още своята хубост и младост.

Аз не мога да се начуда как ти, една жена, *която живее* в манастирът, като затворница, си могла да изучиш толкова много.

И аз завиждах на пиленцата, които пееха в храстите и *които скачаха* по скалите.

Однако в языке других болгарских писателей, современников Каравелова, обособленные обороты уже появляются. Так, например, у Хр. Ботева:

Народът, *притиснат и нравствено и материално*, не обръща почти никакво внимание на това, що произхожда около него.

Лекувана по стара метода, с политически кръвопускания и операции с дипломатически хлороформ, Турция изгуби ръце и нозе, провинция след провинция.

Введение употребления обособленных оборотов было связано с развитием некоторых морфологических форм, исполняющих специфические синтаксические функции.

а) Прежде всего, это явление было связано с введением в литературный язык (по образцу церковно-славянского и русского языков) исчезнувшего в народной речи действительного причастия настоящего времени (*носец, четяц, отивац, живеец, разбирац* и т. д.). Если бы кто-нибудь переводил сегодня повести Каравелова с русского текста на болгарский язык, он мог бы употребить обособленную причастную конструкцию „*живееца* в манастир“ вместо подчиненного предложения „*която живее* в манастир“ для передачи русского обособленного оборота „*живущая* в монастыре“.

б) Другой характерный (и параллельный) процесс — это процесс заимствования литературным языком деепричастных форм из некоторых македонских говоров, где они сохранились: *ходейки, носейки, пеейки* (с суффиксом *-йки* из *-ци*). Так каждый сегодняшний переводчик с русского языка мог бы уже употребить деепричастную конструкцию „*скачайки* по скалите“ вместо подчиненного предложения „*които скачаха* по скалите“ для передачи русской конструкции „*прыгая* по скалам“.

в) Третий характерный процесс — это приспособление болгарского действительного причастия прошедшего времени типа *направил, донесъл, живял, запазил, съхранил* к более широкому атрибутивному и, особенно, обособленному употреблению, так что по существу это причастие обогатилось функциями исчезнувшего причастия на *-вший*. Так, например, сегодняшний переводчик с русского языка мог бы употребить причастную конструкцию „*жена, запазила (съхранила)* още своята хубост и младост“ вместо подчиненного предложения „*жена, която беше запазила (беше съхранила)* още своята хубост и младост“ для передачи русской причастной конструкции „*женщина, еще сохранившая* свою красоту и молодость“.

*

Другая группа процессов развилась в болгарском литературном языке в связи с тенденцией каждого литературного языка вырабатывать более ясные с логической точки зрения конструкции, стремиться к более отчетливому оформлению и расчленению предложений. Наиболее характерные из этих процессов следующие:

а) Постепенное вытеснение некоторых „упрощенных“ синтаксических конструкций народной речи. Такие типы народных конструкций еще встречались у Вазова, но в современном литературном языке они заменяются конструкциями, более полно соответствующими логической структуре мысли:

У раннего Вазова

Той виждаше с мислите си ясно, *което* е виждал с очите си някога.

Тоя весел другар и събеседник... знаеше да обича и *които* мразеше, и *които* го мразеха правеше да го обичат.

Българският ум измислил работи, *да* се чуди и мае човек.

В современной литературной практике

Той виждаше с мислите си ясно *това*, *което* е виждал с очите си някога.

Тоя весел другар и събеседник... знаеше да обича и *тези*, *които* мразеше, и *ония*, *които* го мразеха, правеше да го обичат.

Българският ум измислил *такива* работи, *че да* се чуди и мае човек.

б) Расширение употребления отрицания и при других членах предложения, кроме сказуемого:

В народной речи

Не искаме думи, а дела.

Няма да те чакам в къщи, а на улицата.

Новые литературные варианты

Искаме *не думи*, а дела.

Ще те чакам *не в къщи*, а на улицата.

в) Тенденция к установлению положения энклитик в соседстве с сказуемым (или с причастием, входящим в состав сказуемого), в виду тесной их логической и синтаксической связи с сказуемым (здесь не имеем ввиду энклитики, примыкающие к именным членам предложения), при сохранении основной закономерности появления энклитик перед сказуемым или после сказуемого в зависимости от других факторов. Например:

Архаичные конструкции в народной речи

Сянци *им се* много *надяват*.

Вчера *съм цял ден работил*.

В литературной речи

Сянци много *им се надяват*.

Или: Сянци *им се надяват* много.

Вчера *съм работил* цял ден.

Или: Вчера *цял ден съм работил*.

В этом процессе сохраняется основная закономерность невозможности употребления энклитик ни в абсолютном начале предложения, ни после сказуемого, если оно не является первым словом предложения.

*

Во всех рассмотренных нами процессах синтаксического развития современного болгарского литературного языка намечается тенденция к обогащению синтаксических форм и конструкций и к предпочтению более

ясных и мотивированных с логической точки зрения. Этот процесс протекал не без влияния других, более развитых литературных языков, но, воспринимая из них некоторые, обогащающие его, синтаксические модели, болгарский язык облакал их собственным или вполне ассимилированным морфологическим материалом. Можно полагать, что все эти особенности синтаксического оформления новоболгарского литературного языка являются закономерностями литературной обработки каждого языка, находящегося в подобном положении.